ОДИН ЧАС МОЕЙ КАРЬЕРЫ

ОДИН ЧАС МОЕЙ КАРЬЕРЫ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДВАДЦАТИ СЕМИ ФРАНЦУЗСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

Перевод с французского Г. В. ПАУКЕРА

Ленинград 1928
Библиотека Всемирной Литературы

Андрэ Виоллис.

С ИРЛАНДСКИМИ РЕСПУБЛИКАНЦАМИ.

В НОЯБРЕ 1922 года я высадилась в Ирландии, в самый разгар гражданской войны.[1] Это уже был не крестовый поход против англичан, а непонятная война между самими ирландцами: с одной стороны, сторонники договора с Англией и Свободного государства, как следствие его; с другой же, те, которые остались верными Ирландской республике и полной независимости, провозглашенной 21 января 1919 г. С июня месяца эти братья по оружию, пережив-

[1] Гражданская война там, повидимому, еще не кончена. В продолжение многих лет остров выдерживает эпическую борьбу с Англией, стремясь добиться национальной независимости. В 1921 г. эта борьба завершилась компромиссом, в силу которого Южная Ирландия, объявленная республикой, получила относительную независимость в рамках Британской империи. После этого, группа наиболее непримиримых националистов-революционеров, объединившись вокруг де Валера, отказалась признать это соглашение и продолжает всеми средствами борьбу за полную независимость страны.

шие героическую эпопею, поносят и убивают друг друга под ироническим взглядом Альбиона. «За Ирландию», — уверяют они.

Три недели волнения в Дублине. Засады, нападения, ружейные перестрелки, заседания парламента, лишившегося своих республиканских членов, посещения министров, блокированных в превращенном в крепость «Leinster House», восторженные манифестации женщин, стоящих в большинстве за дело «Иррегулярных», сторонников республики.

— Здесь, все-таки, война в кружевах, — сказал мне кто-то. — Если вы хотите трагедии, поезжайте на юг. . .

Прежде до Корка было несколько часов езды по железной дороге, но четыре месяца тому назад сообщение было прервано: попасть в Корк можно только пароходом, и каким пароходом: прошлым летом он перевозил только свиней. Шестнадцать часов морем, и каким морем. Старая калоша пыхтит, носом кверху, на волнах, затем снова падает в бездну с ужасным скрежетом своих железных скреп.

Наконец, высадка на заре, окутанной ледяным туманом. За исключением нескольких парусников, вырисовывающихся в сером воздухе своими черными реями, в порту никого нет. Маленькие человечки, в зеленой форме, взобравшиеся на палубу, ощупывают со всех сторон редких пас-

сажиров, с изможденными лицами, вылезших из разных углов. Одного из них, с головой, обмотанной грязной повязкой, вдруг хватают и вталкивают ударами прикладов в одну из кают. Повидимому, это один из «нежелательных».

У дверей моего отеля санитарные автомобили, в которых угадывается присутствие распростертых тел, испускающих горькие запахи иода и фенола; сюда, в первую очередь, перевозят раненых. Здесь же находится и ставка главного штаба Свободного государства. В огромном помещении, на каждой площадке, у каждого окна, стоят солдаты с ружьями. В ресторане офицеры молча едят, положив револьверы на скатерть, рядом с закуской или пепельницей.

Снаружи пронизывающая сырость снега, который упорно не хочет итти. Нестройный город угрюмо теснится между своими каналами, илистой рекой и каменистыми холмами, возвышающимися между обнаженными деревьями. На обширных сгоревших пространствах, в самой середине центрального квартала, высятся останки шатких руин. Экипажей мало, еще меньше автомобилей. Лишь несколько фордов с офицерами, да шумно бороздящие улицы, под хриплые звуки сирен, длинные зеленые грузовики, ощетиненные пулеметами, с группами солдат, и броневики с отверстиями бойниц. Однако, на улицах толпа народа, так как это

праздничный день. Но толпа молчаливая, скопившаяся на площадях, покрытых спокойными лужами. Мужчины, с ожесточенными и измученными лицами, одетые, в большинстве случаев, в выцветшие лохмотья желтого цвета; женщины, задрапированные в тяжелые шали, которые, покрывая их головы и падая к голым ногам, придают их лицам, погруженным в тень, меланхоличное благородство Mater Dolorosa.

У меня письмо к лорд-мэру Корка, преемнику героя Мак Суинея. Я прихожу в мерию.

— Lord-mayor? — говорит мне молодой человек, смущенно рассмеявшись. — Его нет. . . Дело в том, что мы уже три месяца его не видели. Затем, вдруг нагнувшись ко мне, шепчет конфиденциально:

— Он находится «on the run».

«On the run», — трагическое выражение, которое в течение многих веков означает бегство патриота, преследуемого по полям и горам. То же самое, что в Корсике зовется «maquis».

Сколько народу в церквах! Нет никакой возможности проникнуть туда. В дверях люди, старые, молодые, богатые, бедные, стоящие с поднятым лицом, освещенным красноватым светом свечей, или простертые, с лицом, наклоненным к земле. Сколько выражений пылкой веры, несказанного экстаза! Эрин остался

*

землею мистиков и мучеников. Вот этим и объясняется многое.

Перед тюрьмой я встречаю тот же фанатичный и покорный взор у созерцающих высокие черные стены, тяжелые решетки, охраняемые угрюмыми солдатами. Многие женщины перебирают в пальцах четки, некоторые из них стоят на коленях. Два года тому назад англичане вывесили на этой самой решетке список ирландских мятежников, расстрелянных во внутренних дворах. Сделают ли то же с республиканцами? Декрет Свободного государства объявляет о страшных репрессивных мерах.

Час дня. Церкви изливают поток людей, который растекается по главной улице города, Сент-Патрик-Стрит. Вдруг, два сильных взрыва прижимают меня к какому-то магазину. Бомбы! Ни единого крика, но непреодолимый напор, бросающий меня вперед. Я бегу с толпой, производящей шум стада. Внезапно резкий отлив. Я оказываюсь около автомобиля с разбитыми стеклами, с искромсанными подушками. Офицер, стоя, вытирает носовым платком кровь, брызнувшую на его китель и текущую по сапогам; среди движущихся плеч я вижу другого офицера на носилках, сжимающего рукой свою бледную запрокинутую голову. Третий нервно смеется, глядя на свою руку, с засученным рукавом, из которой струится красный ручеек.

Всего одна секунда, и вот уже бегут солдаты в расстегнутых куртках, с озверелыми лицами, с ружьями, поднятыми в уровень подбородка. Меня захватывает водоворот и влечет к наружной лестнице одного из домов, на которую я и взбираюсь. Теперь у моих ног толпа вертится, кружится в вихре, рассекаемая зелеными взводами. Выстрелы удаляются понемногу; санитарные автомобили выстраиваются перед аптекой. Затем все успокаивается. Подле меня человек кричит:

— Бомба, когда все эти женщины, все эти дети на улице! Какой позор!

Отклика нет. С первого взгляда лица, меня окружающие, кажутся странно-апатичными. Но вскоре, мне кажется, я начинаю в них читать сдержанное возбуждение. Среди всех этих людей есть, конечно, такие, которые видели, кто ее бросил, знают виновника.

— Вот так всегда, — утверждает мой сосед, наверное англичанин. — Едва только убийцы бросили свои бомбы, толпа смыкается за ними, поглощает их, прикрывает их. Не видел, не знаю. . .

Я иду в Центральный почтамт. Он похож на блокгауз с окнами, забаррикадированными мешками с песком, и с пулеметами. У каждого служащего лежит браунинг между резинкой и бюваром.

— Телеграфировать в Лондон, в Париж? — тявкает прямо мне в лицо маленький сварливый чиновник: — невозможно. Провода оборваны. Кто в этом виноват? гроза, чорт, Свободное государство, или республиканцы? Я ничего не знаю . . . только провода оборваны!

Этот, без сомнения, должен быть из Ульстера.

Недалеко от маленького города Мэллоу, в сорока километрах к северу от Корка, находится один из наиболее активных центров республиканского сопротивления. Там сражаются каждый день, если можно назвать сражениями разнообразные и кровавые эпизоды этой борьбы гверильясов, рассказы о которых пропускаются цензурой, в сокращенном виде. Есть ли возможность попасть в Мэллоу?

— It is risky, это рискованно, — отвечает мне porter отеля, старый плут, который скользит, как угорь, между обеими партиями. — Но, — продолжает он, — это менее опасно для женщины, чем для мужчины. В Ирландии женщин уважают. . .

Поезда в Мэллоу, конечно, не ходят. Путь уже давно уничтожен. Автомобильного сообщения так же нет: оно запрещено приказом республиканского Главного штаба, расклеенным на всех стенах. Осмелившиеся преступить его были арестованы, а их машины захвачены и сожжены на месте.

— Я вам это устрою, — заключает porter, со смешным маленьким ирландским поклоном: пальцы у правого виска, с быстрым движением подбородка налево.

На следующее утро, около семи часов, я заколебалась ехать при виде странной повозки: доска, положенная высоко над парой колес, а с каждой стороны — скамейки, подвешанные по примеру корзин на спине осла: это был известный ирландский side-car. Взгляд на сильную лошадь, бойкого кучера с кривой трубкой, со смеющимися глазами — и в путь!

— Good luck! — кричит привратник.

Какая божественная тишина! Мы выехали из города. Бледное солнце поднимается по холодному небу. Холмы развертывают свои прелестные луга, осыпанные сверкающим инеем. Синие реки, с серебряной бахромой, вьются и пляшут в долинах, покрытых красноватым папоротником. Маленькие, будто деревянные, раскрашенные и лакированные животные: лошади, коровы, бараны рассеяны по отдаленным склонам. А на розовой ленте дороги, обрамленной, покрытыми красными ягодами, кустами боярышника, прилепились там и сям низкие дома с соломенными крышами. Сколько вокруг них стад недоверчивых гусей, оскорбленных индюков, лукавых уток, сколько цыплят и кур!

Прицепившиеся на откосе козы оглядываются, свиньи поднимают, хрюкая, залепленные грязью розовые рыла.

— О да, самая красивая, самая богатая страна наша Ирландия, если бы ее не превратили в сумасшедший дом, — ворчит мой извозчик. Его зовут О'Бриен, как и всех. Он провел великую войну во Франции и в Македонии. Он столько видел, что сделался философом и немного циником. За кого он? За Свободное государство или за республиканцев? Кто знает?

Приходится поминутно слезать: все мосты взорваны. То каменный берег висит над пучиной; то несколько деревьев небрежно перекинуты над нею. Храбрый маленький side-car карабкается по откосам, проезжает сквозь плетни, катится по обработанным полям или лугам. Иногда он отваживается спуститься в поток, где до самых ступиц бурлит желтая вода.

Что такое? Неповрежденный мост над линией заброшенной железной дороги. Два солдата Свободного государства с револьверами в руках выскакивают внезапно. Другие, на-стороже, за стеной из мешков с песком, встают и направляют на нас сверлящие глаза своих ружей. Они смеются, это правда, всем своим розовым и лукавым лицом; некоторым из этих мальчуганов кажется не более шестнадцати лет,

и газетные листки ежедневно печатают длинные списки «несчастных случаев».

— Что здесь нового, — спрашивает О'Бриен.

— Да вчера в девять часов вечера видели «их», и они вернулись сегодня утром, на заре. Человек пятнадцать. Они стреляли. . .

— И что же дальше?

— У нас один убит, двое ранены.

— А они?

— Никто не знает. Было слишком темно.

Маленький унтер-офицер спрашивает новости о Корке. Затем говорит:

— Вы возвращаетесь туда сегодня вечером? Не возьмете ли вы наши письма?

В то время как мы круто спускаемся в ледяную долину, отличное место для засады, извозчик объясняет мне тактику «boys» (так называют республиканцев). Они разделены на отряды от пятнадцати до тридцати пяти человек под командой офицера. Днем они отдыхают, спрятанные на дружественных фермах, или же помогают в полевых работах. Большинство местных крестьян преданы Республике. Остальные боятся и молчат. С наступлением ночи boys переряжаются, маскируются и отправляются в поход. Они нападают на посты Свободной армии, расставленные там и сям, останавливают на ходу грузовики со съестными припасами или бронированные повозки, заграждают

дороги, нападают на неизвестные или подозрительные дома; но жестокие с противником, они безжалостны к изменникам. Разведка тем более надежная, что она добровольная, — предупреждает об опасностях и добыче.
— Война диких! говорит О'Бриен, сплевывая. Но тотчас же со странной гордостью в голосе:
— Все же сильные парни, — прибавляет он, — настоящие ирландцы. Они тут, они там... Смотрите, вот этот возчик, который управлял повозкой с картофелем, и другой с тележкой угля? Держу пари, что это boys![1] Одна манера держать голову и смотреть издали, а затем всегда правая рука в кармане. С револьвером, понимаете.
Он весело смеется, подражая движению прицела и выстрела:
— А эти мельницы там, видите? Пойдите туда. Вы там найдете под соломой хлеб, окорока, коробки с консервами, а так же, может быть, и славный ружейный выстрел, который отобьет вам аппетит ровно на столько времени, чтобы вы успели перекреститься!
Что хочет эта старуха с соломинками в редких волосах, изображающая ветряную мельницу в своем садике? На О'Бриена обрушивается поток ирландских слов. Пять boys пришли

[1] Молодцы парни.

к ней завтракать сегодня на рассвете:
— Голодные же они были! Один потребовал четыре яйца для себя одного... Мой старик никогда не просил у меня столько!
Нужно ли говорить, что республиканские солдаты не платят, потому что большинство из них не имеет ни гроша. И все же, разве не слышится в этом разъяренном визге старухи снисходительная гордость, какая бывает у матери по отношению к повесе-сыну?
Вдруг кладбище автомобилей. Обугленные остатки, которые на несколько сот метров указывают дорогу, как скелеты верблюдов в Африке. О'Бриен философски замечает:
— Я видел издали, как они горели. По три зараз. «Они» здесь поджидали проезжающие автомобили. Да! Плохо не слушаться их приказаний!
Вдруг тележка остановилась. О'Бриен вынул трубку изо рта. Прищурив глаза, сморщив нос, он рассматривает что-то там, на лесистом холме. Что это? Кучка людей, под цвет осеннего папоротника, прыгают как серны и пропадают в чаще. Я спрашиваю его взглядом:
— Да, — отвечает он просто.
И, снова взяв трубку в рот, он стегает лошадь.
Я не встретила республиканских вождей в Мэллоу. Они были здесь третьего дня, но отступили. Остатки воквала, сожженного во время

их ухода, еще дымятся. Мэллоу — маленькое местечко, расположенное вдоль плодородной долины, под мощною сенью деревьев, должно быть, имело привлекательный вид. Но два блокгауза защищают подступ к нему, — мешки с песком, часовые с оружием в руках. Переговоры, объяснения. Вот мы и на главной улице. Разрушенные дома, слепые окна, заколоченные досками, вырванные ставни и двери, знакомое лицо войны. Boys хорошо поработали.

В старой гостинице, вокруг пылающего в камине каменного угля, три комивояжера обмениваются сообщениями о пережитых приключениях, со всем беспечным ирландским добродушием. Все трое повстречались с boys. Они говорят о них не только без злобы, но даже с лукавым интересом, с симпатией, которая проглядывает во всех их словах.

— Они остановили мой форд, — говорит один— но так как я ничего не знал о декрете, они его не сожгли.

— У меня они взяли два фунта из пяти, которые у меня были в кармане, и вернули мне мои часы. Очень gentlemanly[1] с их стороны! — сказал другой.

Третьему показалось, что он узнал голос и глаза одного из замаскированных нападающих:

[1] Благородное.

— Мой старый приятель. Я слышал, как он украдкой смеялся. A dear fellow![1]

Что же касается их дел, то они не так уже недовольны:

— Я никогда не имел более удачной поездки, — говорит один, представитель конфектной фирмы. — Особенно шоколад. Понимаете, девушки на фермах покупают его пачками, чтобы давать boys.

В одном углу пожилая девушка, в старомодной шляпе, сидит на стуле, вытянувшись и сложив руки на коленях. Она глуха как правосудие. Мне рассказывают, что она скопила себе маленькое состояние, занимаясь в Нью-Иорке шитьем. Она решила вернуться на родину, чтобы жить на эти деньги в свое удовольствие у брата, на своей родной ферме, неподалеку отсюда. Это было в 1916 г. Ферма была сожжена англичанами. Ее снова отстроили. Она несколько раз служила местом борьбы. На нее совершено было много налетов. В ней прятались, в ней сражались. Заключается договор. Брат республиканец. Его убивают солдаты Свободного государства. Ферма снова сожжена. Племянники взяты в плен. Отрезанная от мира своей глухотой, старая дева ничего не понимает во всем этом. Но с нее довольно. Вот она,

[1] Славный парень.

бедное беспризорное создание, неподвижная и трагическая. Она направляется в Квинстаун, где она сядет на первый же пароход в Нью-Иорк. Я пытаюсь сказать ей несколько слов сожаления. Понимает ли она? Она довольствуется тем, что качает головой, поднимает руки к небу и опускает их на колени.

Завтракаем. Вареный барашек и картошка. Звонкий смех; все болтают с веселой ирландской фамильярностью, столь отличающейся от британской сдержанности. Можно подумать, что находишься у нас, на юге. Но вдруг входят два офицера Свободного государства, с развязностью, присущей военным всего мира. Они усаживаются к столику у окна. Внезапное молчание, лица делаются холодными, носы опускаются в тарелки. И, помимо моего желания, я смотрю на угрожающие дырочки, которые револьвер проделал в окне как раз против виска одного из молодых людей.

Возвращаемся по другой дороге. Темнеет. Большая бледная луна вскоре показывается среди облаков, бросая причудливые, странные тени на дорогу. Мы подвигаемся в молчании. До Корка осталось еще более часа. Что такое? Что надо этим людям, появившимся внезапно. Одни пешие, другие на тележке и бегут к нам, взволнованно делая знаки.

— Возвращайтесь откуда приехали! — кричат

они. — Живо назад! Там boys, дорога загорожена. Они на скатах, за плетнями. Их ружья движутся. . .

Мы возвращаемся до перекрестка, где мы находим утреннюю дорогу. Вокруг группа низких домов. В одном из них свечка мерцает, как светлячок. О'Бриен входит туда. Он возвращается озабоченный.

— В этой хижине все республиканцы. Однако, одна женщина мне сказала: «Думаю, что по этой дороге вы так же встретите boys. Я видела, как они только-что там спускались». Что же делать? — снова продолжает он, помолчав. — Возвращаться в Мэллоу? Лошадь уже больше не может. И потом «они» могли устроить мышеловку по всем дорогам. Они хотят кого-то или что-то задержать сегодня вечером, это ясно. . . Но нас, быть может, они пропустят. Что же мадам, делать нечего: We must take our risk . . .

«Рискнуть», здесь классическое слово.

Вперед! На этот раз темная зимняя ночь. Мы различаем, проезжая, две-три скользящие тени; мужчины в надвинутых на голову фуражках, в непромокаемых плащах, с руками в карманах. Без сомнения, стерегущие boys. Потом старик на тележке, запряженной ослом. Мы подъезжаем, чтобы расспросить его:

— Они в глубине оврага, — отвечает он.

— Они пропустили тебя с твоей тележкой? — спрашивает О'Бриен.
— Да, я проделал дыру в ветвях. . .
Вдруг дорога суживается, уходит между двух крупных склонов. Я замечаю неясную массу, преграждающую дорогу, под слабо освещенной лачугой. Это они. На почтительном расстоянии мы слезаем с тележки. О'Бриен берет лошадь под уздцы, останавливается за несколько шагов до ствола поваленного дерева, последние побеги которого касаются одного из скатов, снимает свою старую фетровую шляпу и кричит официальным тоном глашатая:
— Со мною дама, возвращающаяся в Корк. Можем ли мы проехать, джентльмены?
Молчание. За плетнем я слышу как будто волнение. На нас направлены два ружейных дула. В домике открывается дверь.
— Дама-француженка, которая хочет вернуться в Корк, — настаивает возница.
Снова молчание. Наконец, появляется смутный силуэт, с лицом, закрытым кашне, затем повелительное движение руки, и он говорит с убедительной живостью:
— Проезжайте! Да проезжайте же! Убирайтесь прочь!
Я делаю прыжок через ветви, которые царапают и цепляются. За мной следует телега в шуме ломающегося дерева, лошадь фыркает,

ржет. . . Сколько шума! Не лопнет ли у них там наверху терпение? Нет, готово. . . Эти парни рыцарственны и неосторожны, так как, в конце концов, мы можем их выдать. . .
Вскоре вдали показывается Корк с заревом огней. Появившиеся из мрака, зеленые солдаты окружают нас.
— Свободна ли дорога там наверху? — спрашивает лейтенант, с фонарем в руке, и смотрит на нас быстрым взглядом.
— All clear, совсем свободна! — бросает О'Бриен вызывающим тоном.
И в то время как мы въезжаем в предместье, он поворачивается ко мне, подмигивая:
— Дождутся от меня, чтобы я предавал boys! — произносит он, как будто каркая.
Циник О'Бриен значит все же за Республику?
Незнакомая девушка входит сегодня утром в мою комнату и протягивает мне записку несколько романического характера: «В десять часов, сегодня, вы знаете где».
Я знаю теперь республиканцев.
Они меня приняли, допустили с любовью, с доверием, которое меня сердечно тронуло. Я пробую постичь их страшный идеал. Я изумляюсь их великолепному бескорыстию. И еще более этому своеобразному очарованию сверкающей поэзии и живой веселости, которое восхищает и парализует всякую критику. Ах!

Что за чудные вечера, когда легенды чередовались со стихами Итса и со старыми гаэлльскими песнями, полными такой опьяняющей тоски по родине! Они запечатлены в моих самых дорогих воспоминаниях. Как поверить, что эти молодые люди, эти девушки, смеющиеся с такой мелодичной прелестью, рискуют ежедневно своей жизнью и убивают, в случае необходимости, без колебания, без угрызения совести? За Ирландию!

Спускаясь, через минуту, по лестнице отеля Корка, где гордо заседает официальный Главный штаб, я спрашиваю себя: «Возможно ли это? Через несколько часов я буду в другом Главном штабе, «иррегулярном», мятежном? Увижу ли я Эрскина Чайльдерса, одного из великих вождей, о котором все говорят с уважением, отпрыска английского дворянства. Сила идей оторвала его от более блестящего, более легкого будущего, и он вносит в дело всю британскую добросовестность и серьезность. . .

При свидании я нахожу моих путеводителей, двух молодых активных революционерок. Они из этого удивительного отряда «dispatch riders» (переносчиц депеш), которые ночью и днем, под дождем, по грязи, в сильные холода, пешком, на велосипедах, делают длинные и опасные переезды, чтобы поддерживать связь между отдельными частями армии. Одна из

них, шесть месяцев тому назад, вышла замуж за одного из вождей восстания 1916 г. против Англии, молодого адвоката. С тех пор она видела его ровно одну неделю. Он с республиканцами в горах, беглый и преследуемый. Другая девушка, с ярко золотыми волосами, стояла на коленях перед тюрьмой Корка, когда два года тому назад залпом взвода был расстрелян ее жених.

В скромной лавочке предместья, где шопотом разговаривает десяток мужчин, мы находим нашего шофера, бледного восемнадцатилетнего юношу, раненого несколько недель тому назад. Он вскакивает на сидение форда, чудом откуда-то появившегося. И мы несемся.

Мы пролетаем с огромной скоростью мимо часового поста, у выезда из города. Солдаты бегут за нами, кричат, целясь из ружей.

Слишком поздно! Мы скользим по дорогам, перепрыгивая через откосы, ныряем носом в затопленные луга. Наши передние колеса останавливаются над самой пропастью, откуда несется грохот потока: свеже взорванный мост. Отважный маленький форд делает скачок назад, врезывается носом в плетень и снова пускается в путь.

Вдруг остановка! Въезд в поселок, занятый Свободной армией. Солдаты бросаются изо всех дверей, толпой окружают нас. Мы должны

*

сойти. Поднимают сиденье, щупают стенки мотора, не находят ничего, кроме газет. Обыскивают шофера. Но его разрешение на езду в полном порядке.

— Опорожните, пожалуйста, ваши карманы, — говорит нам, немного пристыженный своей ролью, белокурый, как мед, лейтенант. У моих спутниц на груди компрометирующие письма. У них также есть записки, спрятанные в башмаках. Но в чистой Ирландии поднять руку на женщину? Молодой офицер сердито пожимает плечами и поворачивается к нам спиной. Мы можем снова ехать. Маленькая машина, фыркая, снимается с места, снова летит, в то время как зеленые юнцы следят за нами, сжимая в пальцах ружья, с надутыми губами и подозрительными взглядами.

Езда, переезды, топкие тропинки, тайные совещания. Мы едем уже четыре часа. Вдруг из рощи появляется мужчина. Он вскакивает на сиденье и везет нас прямо на двор фермы. Мы входим в выбеленную известкой кухню. Вокруг печи, в которой горят несколько поленьев, пять или шесть молодых людей сушат свои сапоги, — boys! Они встают, окружают нас, улыбающиеся, взволнованные, ища на лицах молодых женщин, которых все знают, отблеск домашнего очага, такого близкого и такого далекого. Они жадно хватаются за

газеты. Один или два счастливца получили письма. Уже больше четырех месяцев со времени сражения у Four Courts, что они скрываются. Обмениваются новостями:

— Моя мать?

— Ей лучше. Она посылает вам her love and her blessing.[1] Но ваш кузен Эрнэй в плену, тяжело раненый...

Высокий малый, с длинным задумчивым лицом, робко спрашивает:

— А малыши... видели вы моих малышей?

— Великолепны! В свободные от школы часы они помогают в типографии.

Тайная типография, преследуемая и теснимая, но ей почти ежедневно удается выпустить маленький республиканский листок.

— А Мэри? — спрашивает кто-то.

— Уж двенадцатый день, как она объявила голодовку...

Скорбное молчание, так как дело идет о Мэри Мак-Суинэй, депутатке Корка, арестованной две недели тому назад, несмотря на парламентскую неприкосновенность, и таким образом протестующей против этого насилия. Все поворачиваются к ее младшему брату Жану Мак-Суинэю, задавшему этот вопрос. Воспо-

[1] Свою любовь и свое благословение.

минание о долгой агонии Торенса в лондонской тюрьме омрачает все взоры.

Но открывается дверь и входит еще с десяток boys. . . В грязных гетрах, в непромокаемых плащах, опоясанных патронташами, в фетровых шляпах набекрень, с ружьями на плечах и револьверами на боку, — неужели это лесные бродяги, бандиты, шуаны? Нет, между ними два доктора, один инженер, три адвоката, много студентов. Оборванные, без белья, они учтиво извиняются. В нашу честь у них, однако, чистые, тщательно выбритые лица.

Эрскин Чайльдерс, которого я хотела видеть, вчера уехал на север, — объясняют мне неопределенно. Но он был в этом доме два дня тому назад.

— Бедняга должен был оставаться в кровати, пока я штопала его простреленные штаны! — говорит мне, улыбаясь, фермерша, с лицом Мадонны.

Все от всего сердца смеются, так как некогда Эрскин был дэнди, безукоризненно одетый, как все англичане его круга.

— Он-то, куривший только восточные папиросы, — говорит кто-то, — он, я видел, скреб свои карманы, чтобы набрать несколько крошек табаку, прибавил к ним сена и набил свою трубку!

Даже в смехе чувствуется любовное восхищение. Чайльдерс, с его непоколебимым убеждением . . . его улыбающееся и молчаливое спокойствие, столь отличающееся от ирландского легкомыслия . . . его глубокий и добрый взгляд. . . Я его не увижу, увы! Но вот его помощник, бледный, усталый, с лихорадочным блеском в обведенных синевой глазах. Вчера они все сражались, они взяли деревню неподалеку отсюда. Радость победы сверкает в синих глазах у самых молодых. Эта война для них является спортом, спасением от заплесневелых библиотек, от контор, от ежедневной работы. Да, но этот человек, которому перевалило за сорок, что думает он о будущем, о своей ответственности.

Фермерша расставляет на белой скатерти варенье, хлеб и масло, приносит чайник.

Тогда, опершись своим большим обнаженным лбом на руку, исцарапанную шипами, начальник начинает говорить грустно и неторопливо:

— Нас зовут мятежниками, иррегулярными, — говорит он. — В действительности же мы одни только и являемся в настоящее время представителями истинных традиций Ирландии. Заметили ли вы, что в течение веков она часто падала на колени на дороге, поверженная в уныние, раздавленная, но не покорившаяся. Она терпела английский закон, но она никогда не принимала его.

— Никогда! — подчеркивает хор.

— Наше поколение, ценою жертв, которые вы знаете — сколько наших лучших убито, повешено, расстреляно! — делает в течение пяти лет необычайнейший скачок. Оно завоевывает свободу Ирландии, провозглашает республику, которой мы все даем клятву верности. Англия, устав, наконец, от избиений и зная, что вся Ирландия «станет грудью перед жерлами пушек», соглашается просит перемирия. . . Вот наша цель.

«Что же происходит вслед за этим? Неслыханная вещь. Пятеро наших, отправившиеся в Лондон для переговоров, обманутые, измученные, под угрозой немедленной и страшной войны, выходят из рамок инструкций. Искренно, быть может, они подписывают, не имея полномочий, договор, который превращает Ирландию в английскую колонию: клятва верности английскому королю, который контролирует парламент, наши суды, назначает губернатора, занимает наши порты, распоряжается нашей армией.

«Мы, солдаты, не могли сначала этому поверить. . . Мы терпели, так как на той стороне были наши дорогие друзья Мик Коллинз, Фицджеральд, Мулькай.

— Poor Mick! — шепчет кто-то.

Бедный Коллинз, в самом деле, такой полный

веры, радости, доблести, первая жертва этого раздирающего сердце конфликта.

— Мы верили в них, — грустно продолжает офицер. — Но когда, после стольких усилий к объединению, мы поняли, что наше правительство получало приказания из Лондона, когда в Four Courts бывшие тогда министры, наши братья по оружию, повернули против нас английские пушки, тогда мы отреклись от них...

Молчание. . . Движущаяся тень от ружей бороздит белую стену; сидя у огня, бросающего кровавые отблески на лица, или, облокотившись на стол, boys страстно следят за речью своего вождя. Когда он заявляет серьезным тоном:

— Мы готовы все отдать за Ирландскую республику. . . Если мы умрем, другие, более молодые, придут нам на смену. . . Вы знаете наш старый клич: «Move up, Mick: make room for Dick»! [1]

— But we will win through! Но мы победим! — кидает молодой и смелый голос.

Запыхавшийся мальчуган влетает, как буря, говорит несколько слов. Все вскакивают на ноги, схватывают свои ружья, приподнимают фетровые шляпы, улыбаются с чисто ирландской грацией и исчезают.

---

[1] Посторонись, Мик: дай место Дику.

Я остаюсь со стесненным сердцем. Правы они или ошибаются? Правда ли, что для блага своей страны уничтожают они свои дороги, железнодорожные пути, парализуют свою торговлю, — убивают? Я не знаю. Я ничего не знаю.

Но то, что в нашу сухую и чрезмерно деловую эпоху — угля, керосина, банков, подозрительных международных сделок — есть еще мужчины и женщины, готовые страдать, умирать только за идею, — разве все это не прекрасно и не утешительно?

В течение многих дней, в повозках, запряженных угрюмыми пони, я объезжала всю область, из деревни в деревню, от фермы к ферме. Всюду меня принимали с горячим ирландским гостеприимством, которое трогает до глубины сердца; всюду я находила сторонников Республики, спокойных и, вместе с тем, восторженных. Но нигде я не встретила Эрскина Чайльдерса. Вернувшись в Дублин, я узнала, что он арестован. Я видела его жену, американку ирландского происхождения, которая всегда страстно поддерживала свою родину. Без сомнения, она-то и увлекла своего мужа на путь жертвы. Больная уже несколько лет, простертая на кушетке, с тонкими чертами лица, побледневшая от лихорадки, со зрачками, увеличенными острым беспокойством, в котором

она не хотела сознаться, она была трогательна в своем светлом мужестве. Ее голос едва дрогнул, когда она сказала:

— Что бы ни было, я знаю, что Эрскин останется достойным нашего идеала!

Но тут же полились слезы, неиссякаемые слезы любящей и измученной женщины. И я всегда ее буду видеть, с опустившимися веками, с головой, откинутой на подушки, с руками, сжатыми на груди.

В Leinster House я увидела также одного очаровательного молодого министра, поэта, который был одним из героев войны за независимость. Говоря о Чайльдерсе, он сказал:

— Знаете ли вы, что ему грозит самый ужасный приговор?

Я вздрогнула и воскликнула:

— Как, он был вашим учителем, вашим братом! Вы знаете, чего он стоит. И вы можете допустить этот ужас? Вы?

Лицо, такое молодое, обрамленное светлым шелком вьющихся волос, страшно бледнеет. Искра боли мелькает в чистых синих глазах, но он вызывающе отвечает резким тоном:

— Почему же нет? За свою страну!..

Двумя днями позднее над подвижной и пестрой толпой Пикадилли в Лондоне, вдруг, над головами прохожих, поднялись на палках объ-

явления дневных газет. Зловещие, они возвещали большими буквами:

ERSKINE CHILDERS EXECUTED.[1]

Даже толпа, казалось, оцепенела. Рвали листки друг у друга.

«Он был блестящий, мужественный с прекрасным чистым сердцем», — писали английские газеты.

Без сомнения, и его-то, незапятнанного и благородного, и принесли в жертву.

За отсутствием успеха, республиканское дело имело по крайней мере своего мученика. И история сумеет поставить его на подобающее ему высокое место.

[1] Эрскин Чайльдерс казнен.